V 1975

7 0 1

ТУ 19–32–73

6

3

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—603

По рассказу Я. ТАЙЦА

У моря

художник О. Новозонов

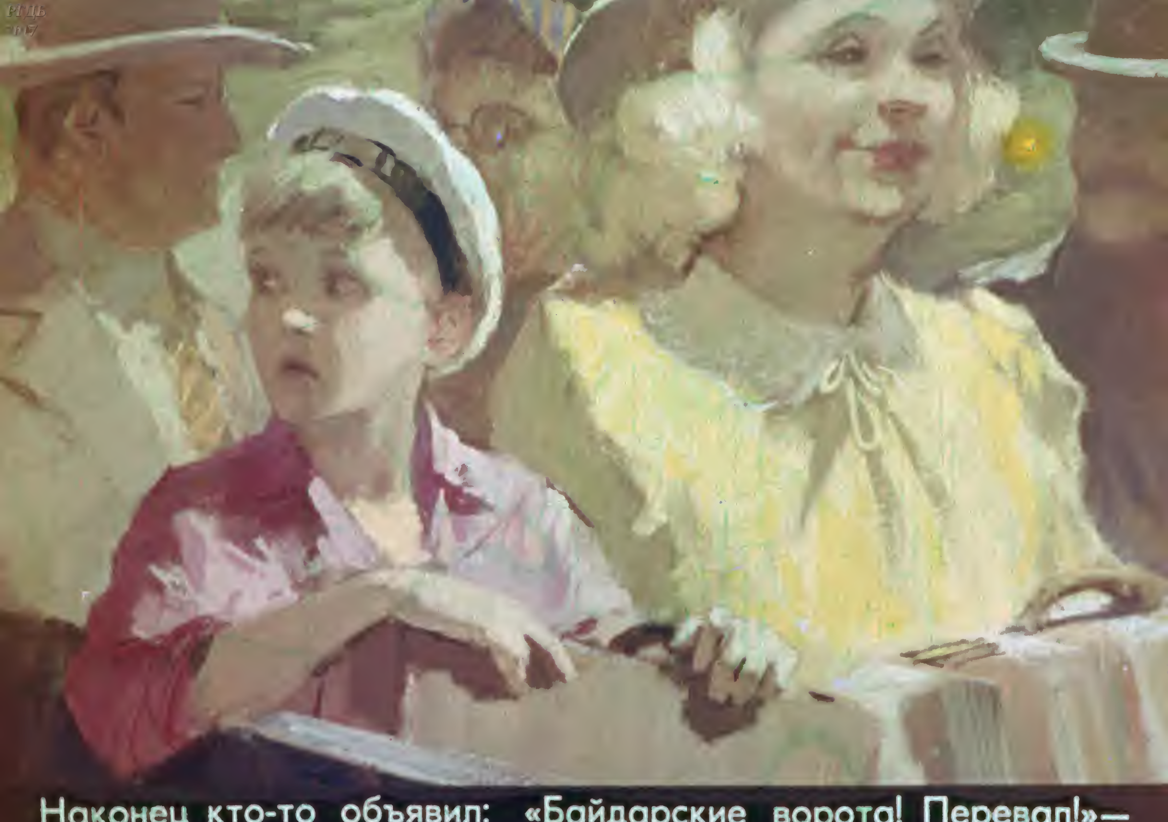
Эта история, ребята, случилась давно. Вас ещё на свете не было, а вашим мамам и папам было в то время столько же лет, сколько сейчас вам. Когда окончилась Великая Отечественная война, у мальчика Фели папа вернулся с фронта домой и пошёл работать на завод.

И вот однажды папа принёс для Фели путёвку в пионерский лагерь, в Гурзуф. Но кто отвезёт мальчика на юг? Тут оказалось, что знакомая папиных знакомых тоже собирается в Гурзуф. Вот её и попросили взять с собою Фелю.

В Севастополе пересели на машину, ехали в гору по узкому шоссе.

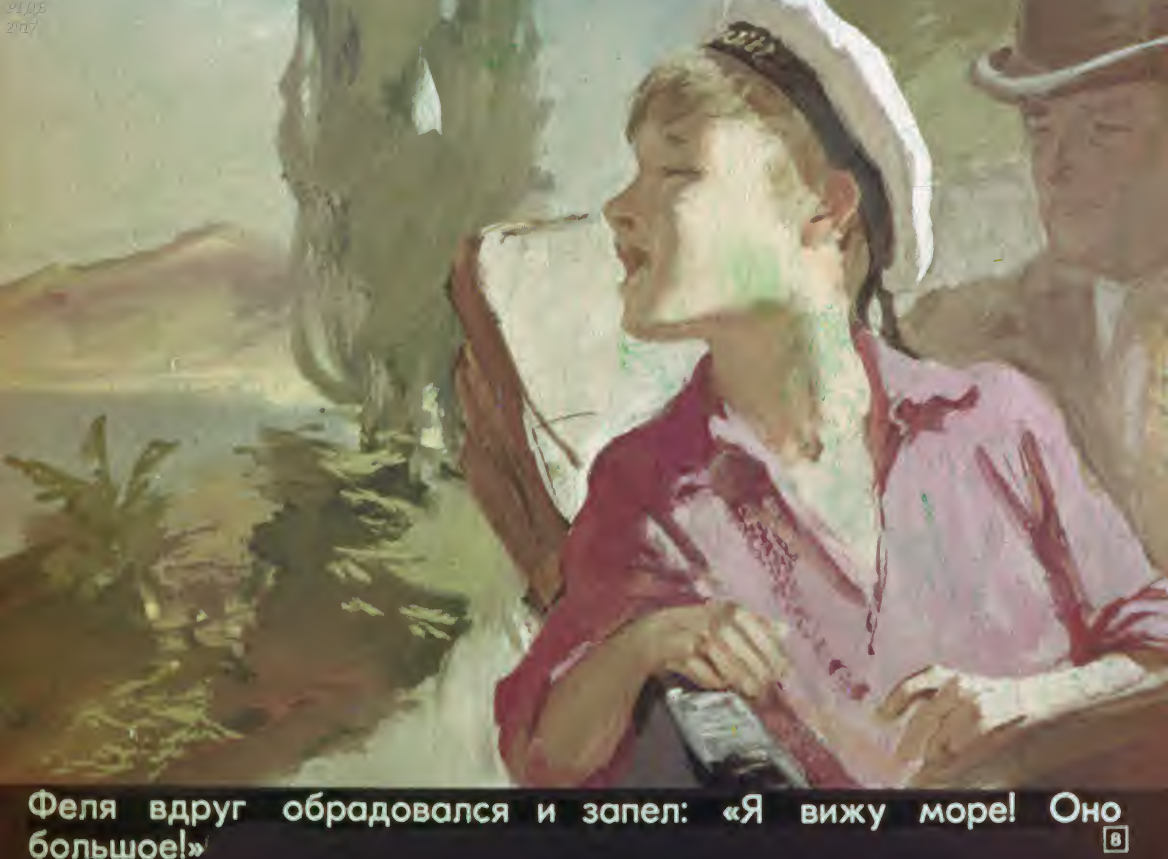
Наконец кто-то объявил: «Байдарские ворота! Перевал!» — Феля испугался: «Ой, не надо никуда переваливаться!»

Внизу на весь мир простиралось что-то огромное, синее, точно упавшее на землю небо.

А синее становилось зеленей. И вот уже слышно, как оно шумит, и вот уже видно, что оно не гладкое, а на нём волны, барашки, косой парус, белые птицы...

Феля вдруг обрадовался и запел: «Я вижу море! Оно большое!»

В лагере вожатый спросил Фелю: «Сколько же тебе лет?» — «Семь, восьмой... А скоро будет девять!» — Вожатый выдал Феле трусики, майку, панамку — всё, что полагается, — и определил в малышовый отряд.

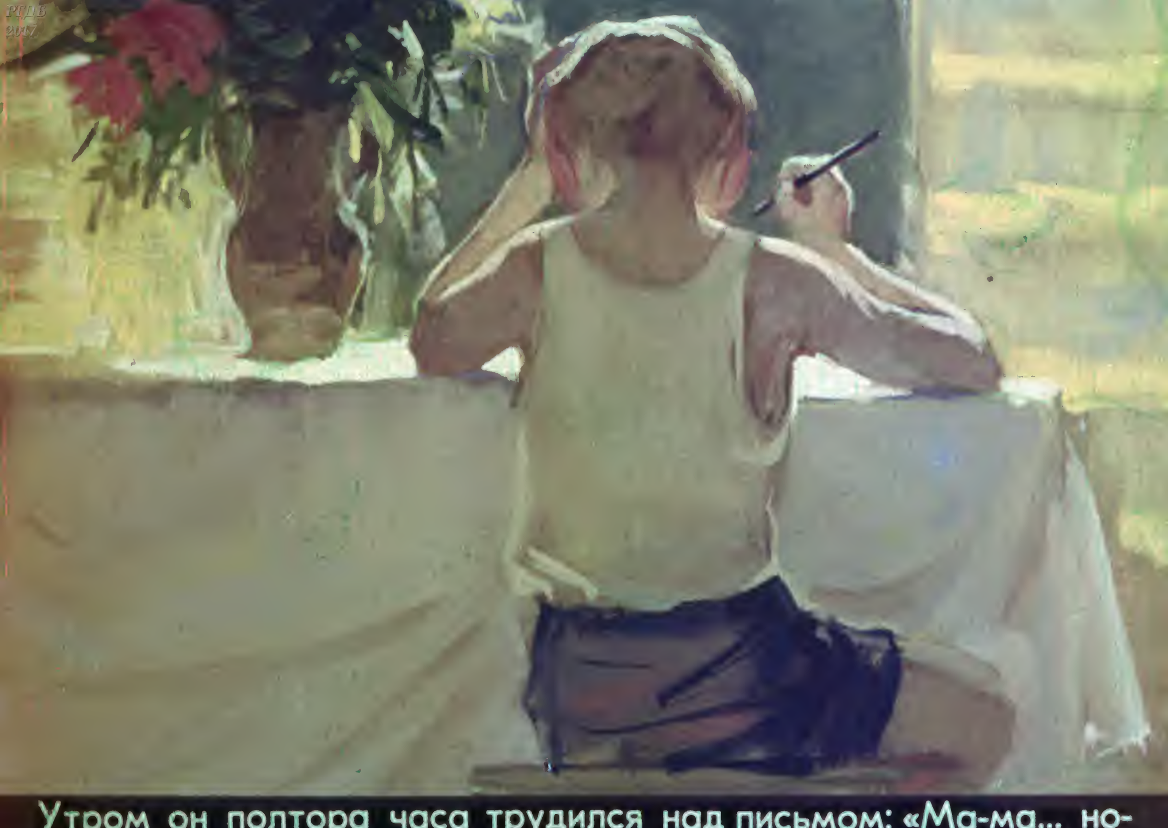
Феле на юге понравилось. Он ходил с отрядом в походы, загорал, купался...

Когда поехали на катере в Ялту, Фелю тоже взяли. Возвращались поздно, уже была ночь. Феля вышел на палубу... Но что это? За кормой прыгали огненные брызги. Феля подумал, что море загорелось, и закричал.

Все выскочили наверх и стали любоваться светящейся водой. Феля перестал бояться и тоже залюбовался.

Утром он полтора часа трудился над письмом: «Ма-ма... ночию... све-ти-лося... море...».

Тут его позвали на пляж. Он бросил ручку, схватил полотенце и побежал к отряду. Ребята зашагали по раскалённой дорожке. Они пели: «Ну-ка, солнце, ярче брызни!»—и море им подпевало.

Феля быстро искупался, вылез и украдкой пробрался на соседний пляж. Там—вывеска: **САНАТОРИЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ.**

Здесь пляж для военных больных. Они все воевали. Только сейчас не угадаешь, кто лётчик, кто танкист. Все одинаковые: халат или трусы, и больше ничего.

У самой воды под зонтом лежал военный больной. Он сказал Феле: «Принеси, пожалуйста, газету—там, на лавочке!»

Феля принёс.—«Спасибо!—сказал военный.—Присаживайся в тенёк!»—Феля сел под зонт. Там стоял графин с водой.— «Как же тебя звать?»—«Феля».

—«Феля? Филипп? Нет? Феликс? Хорошее имя! Такой большой человек был—Дзержинский».—«Только его Эдмундович,—сказал Феля,—а меня Степанович».—Военный больной улыбнулся.

—«А солнце-то как печёт!»—«А мне не жарко,—сказал Феля.—Я только купался. А вы купались?»—«Нет».—«Почему?»—«Да так...»

Халат на больном приоткрылся, и Феля увидел вытянутые забинтованные ноги. Феля помолчал. Потом он тихо сказал: «Вы герой, да?»—Командир усмехнулся: «Не знаю, как там... Одно могу подтвердить: били мы фашистов, Феликс Эдмундович, добросовестно».—Феля поправил: «Степанович».

Феле хотелось о многом расспросить командира, и про танки, и про пулемёты, но он не решился и сказал: «Мы тут в лагере живём. А вчера ночью мы ехали из Ялты и видели, знаете что? Море светилось! Будто огонь, только мокрый!» — «Мокрый огонь! — засмеялся командир. — Никогда не видел! Интересно!»

—«А вы ночью прихо... то есть попросите, вас принесут!»— «Неудобно!—сказал командир.—Санитарам тоже, знаешь, отдохнуть надо».—Наверху в лагере пели горны. Командир прислушался: «Лети, земляк. Ещё приходи!»

Не разбирая дороги, Феля побежал в столовую.

Потом он проник на кухню и выпросил у повара Спиридона Ивановича бутылку. Она попалась тёмная, из-под нарзана, но это ничего. Весь долгий день он думал о командире с забинтованными ногами.

Но вот уже наконец вечер. Отряды вышли на линейку, флаг пошёл вниз, горн заиграл «ложись спать»,

и все разошлись по спальням. Феля укрылся с головой. Его товарищ Шурик тихо спрашивает: «Феля, спишь?» — Молчит. Значит, спит.

И Шурик засыпает. И вся палата засыпает. И все отряды засыпают. Ночь, тишина... Пора! Феля тихонько надевает рубашку и крадётся к выходу.

Темно—будто кругом чёрная, глухая стена. Страшно шагнуть в темноту, страшно пробираться неведомыми тропинками! Феля сжимает бутылку. А как же бойцы? Они-то ведь не боялись темноты? Феля вздохнул и прыгнул на дорожку. Заскрипел песок. Тш-ш-ш!

Феля осторожно пробирается по крутой тропинке. Вдруг он сорвался на крутизне, проехался на спине, ободрал кожу. Больно! Посыпались камни... Ничего, зато началось ровное место—значит, уже пляж...

Море шумит совсем рядом. Под ногой стало мокро. Значит, вот оно, здесь! А вдруг море сегодня не светится? Феля нашарил камень и швырнул его в темноту.

Раздался всплеск, взметнулись яркие, огненные брызги. Ура! Светится!

Феля смело лезет по круглым, скользким камням в тёплую чёрную воду. Вот он забрался по колено, и сразу же его ноги превратились в два серебристо-огненных столба. Руки в воде тоже становятся серебряными.

Феля набирает бутылку чудесного мокрого огня и торопится на сушу.

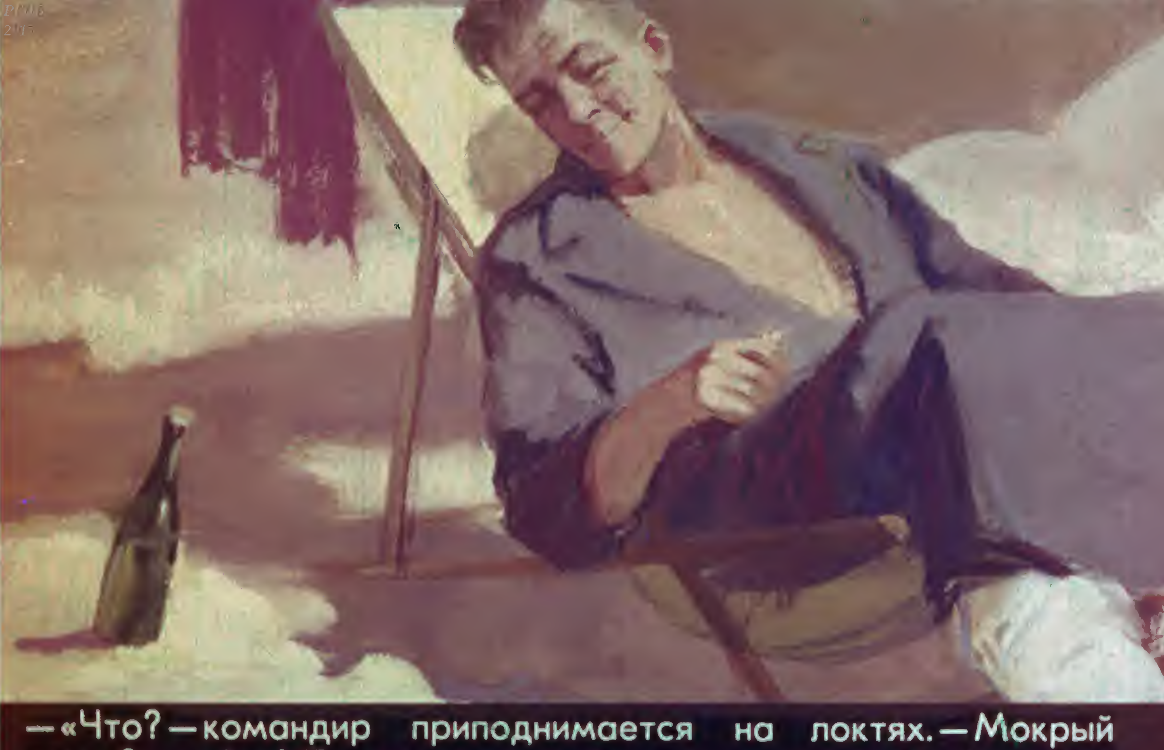
И вот уже всё кончилось, всё позади. Он снова в палате, он засыпает...

Утром он бежит на соседний пляж. Знакомый командир уже там. Ещё издали командир кричит Феле: «Пришёл, земляк? Что рано сегодня?»—«Вот, товарищ командир, вам»,—Феля протягивает бутылку.

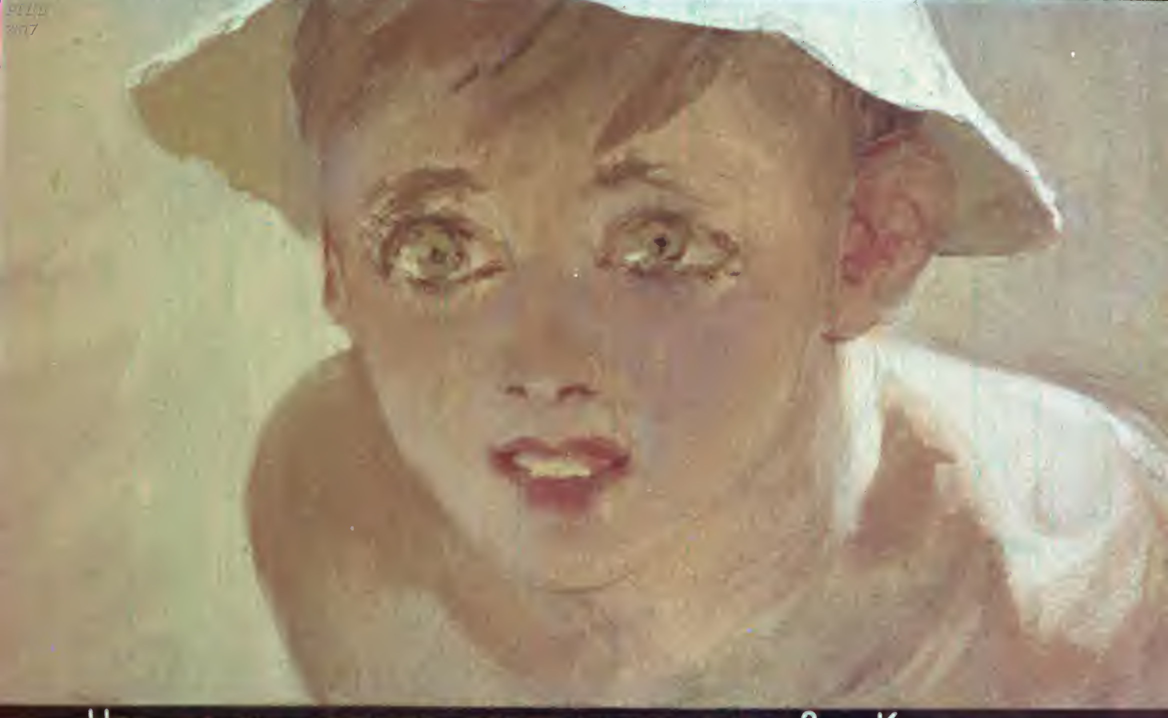
—«Зачем?—удивляется командир.—У меня же есть. Целый графин, и тоже нарзан».—Феля, счастливый, смеётся: «Это только бутылка из-под нарзана. А в ней светящаяся вода, мокрый огонь с моря!»

—«Что? — командир приподнимается на локтях. — Мокрый огонь?» — «Ага! Только здесь светло, а надо, чтобы было совсем-совсем темно, чтоб ночь... Вы к себе возьмите и ночью будете смотреть». — Он поставил бутылку на песок и убежал.

Через день они снова встретились.—«Светилась?»—закричал Феля, подбегая. Командир молчит.—«Светилась, да?»—Командир мнётся, не отвечает.

—«Что же вы молчите, товарищ командир?»—Командир говорит: «А ну-ка нагнись! Ближе, ещё ближе!»—Опираясь на левую руку, он заглянул Феле в глаза. Они светились, точно две звезды.

Командир улыбнулся: «Конечно, светилась, Феликс Эдмундо-вич, то есть, виноват, Степанович...»

КОНЕЦ

Сценарий Р. Тайц
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор В. Иванов

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1974 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30

Д-005-75